

(7) Нирмале Светоносной

Не прекратится этот чистый, звонкий ток,
Летающий от Тебя волной священной...
Как Солнцем жив безропотный листок,
Так я дышу Твоей Вселенной.

Там нет краев, жадно-слепых замков
И эха голосов печальных —
Она полна созвездий и богов,
И гимнов звездных безначальных.

Средь Света созданных Тобой ветров
Миров мелодия струится арфой вечной
И дарит аромат невидимых миров,
Любовью слитых бесконечной.

(8) Бой на вселенских шпалерах

О Нирмала-Мать — всеохватное Сердце,
Священный поток из звездных ветров,
Ты в утрах звенишь разалевшимся Солнцем —
Пурпурной рекою небесных костров.

Те горние и зримотканые зори
Несут нас над хмелем-днем хитрых химер,
Сжигая людское незнание и горе —
Всех черных чудовищ с вселенских шпалер.

(9) Астральная тайнопись

Что — в очах Твоих венчальных?
Свет из мира неземного?
На устах немых — астральных —
Знак прощенья мирового.

Вся Вселенная замкнулась
В Тебе пенем безмятежным.
И от счастья задохнулась
В осиянье своем нежном.

Нет теперь ни дня, ни ночи —
Небо Вечное осталось,
Тайнописью этих строчек
В Бесконечность разметалось...

(10) Солнца-веды

В Твоем Ветре все мгновенья
Собраны от Сотворенья...
В нем живут все солнца-веды,
Побеждая темни-беды.

(11) В тон Вечности

Утро. Туман. Облака. Неземная
Музыка шорохов Вечности в тон.
Ты среди цветов, которые знают:
Шри Шива танцует в шорохе том...

(12) Тюрмы беспробудности

Твои слова из Вечной Тишины
Приходят в тюрмы беспробудных дней,
И рассыпают их больные сны,
Ведя во Свет Вселенной Всей.
Тончайшими вибрациями Веры
Ты озаряешь среди суетных голосов...
Поют немой волной их чистые шпалеры,
Как кружат бабочки еще в снегах уже Весны лесов...

VIII. ЦВЕТЫ И МАЗУТ

(1) Цветы, как дети

Они беззащитны, как дети,
В купели земной и небесной,
Средь пеня рос на рассвете
Молятся хором предлесным
Нирмале Девы Чудесной.

Цветы дарят счастье и ночью —
Огонь заклинанья бессмертья;
Они — всего средоточье,
Очи в Вечность-Безмерье,
В Божественное, в Беспределье...

(2) Стихи — это Вечность

Стихи — то из Вечности Ветер,
Ночей неземное молчанье;
Стихи — это лик когда светел
Иль сердце в порыве признанья.

Стих — это май в пенье цвета,
И мед рук волшебной Вселенной,
Сонаты костров рассвета,
И лилий свеченье в мгле тленной.

(3) Любовь всеильная

Любовь — это бег из плена —
От бранных дней заточенья,
Их бреду сплошная измена
И в Храме Небесном спасенье.

Любовь — это золото света
Радости во Вселенной,
Что арфой щебечет рассвета
Волной-чистотою нетленной.

В танцующем духе ливня
Средь Лета Любовь радужится,
Она так возносится дивно
И смерти совсем не боится.

(4) Весна

Весна... — это луч-подснежник
Или сирени пенье?
То — Святой Дух-мятежник,
Что плавит Зим заточенье.

Это — оживший трепет
Хвои, души и соцветий,
Страна, где Нирмала лепит
Чистый Свет для столетий.

(5) Свет против Тьмы

В восковых ветрах молчанья
Стынет мелос моей лиры,
Истекает вибра знанья,
Отсекаются эфиры
Богодухоподдержанья.

Темнь орет, все распаяясь:
Лает, лает среди мая,
По Вселенной проливаясь,
Свищет, душу всю сминая.

Но чисты в памяти-долине
Ливни древних песнопений...
И нагая в Высшей Сини
Радость над адовьем линий
Беспробудия глухого
Полнит святостию снова...
Не предаст и не покинет
Она мой растущий голос.

(6) Тягостнейшие сны

Поразила Нечисть пенье
Землян хаосом ветров,
Создала большое дленье
Тлена тягостнейших снов.

Но слепых лишь гнут несчастья
И уводят в бездны Тьмы,
Жалким хрипом сладострастья
Гонят от Святой Весны.

(7) Мозглистые гаммы

Ночь. В сердце Бог обозначился стройно,
Спят мертвой отключью роботы-схемы.
Но завтрашний День разберет беспокойно
Струны души на сомненья-проблемы.

С утра их спугает логик Деньяный
Вечно от трезви дня странно багряный,
Мозглистые гаммы на них проиграет
И в карты суёт все на нет проиграет.

(8) Поэту

Поэт — святая пчела в дьявольском улье «Земля»,
Что разбивает бесстрашно кандальныя звоны
Наших суетных мыслей, родящих сердечныя стоны.
Поэт — воитель и пламенитель горней Любви фитиля.

(9) По программам Судьбы

Рты в этом мире престранном
Кричат по программам Судьбы
Жалобно и непрестанно
Под жалом глагола «быть».

И, словно малые дети
В концлагере смертозабав,
Не ропщут они на плети
И печи, что шлет им судьба.

(10) Разговор со своим Духом

— За что Бог карает нас?
— За низость, грехопаденье.
— За что Он спасает нас?
— За высшие устремленья.

— Что делать нам надлежит?
— Родиться вторично — духом.
— Как по-новому жить?
— Космическим, тонким слухом...

(11) На тайном пороге

Вспоминаю на тайном пороге всех зорь
Про рожденье Всего и Всего умиранье,
Слышу жалобь Земли на разбой и на хворь
И разметанным оком держу все сознанья.

В бесконечности волю, прошивающих мир,
Открываю их тайное братство;
В вековечности струн мирозидящих лир
Слышу богоустройства богатство.

(12) В немых растяженьях галактик

Вселенская скатерть столетий
Раскрашена жилками Весен
Из бабочек и из созвездий
Подснежников средь хмельных сосен.

В немых растяженьях галактик
Лимонница дрожью-лучом
Смеется над сонмами тактик
Судеб в круженье своем;

В напевах из неги и боли
Над кипью снегов иль садов
Дарует прохладный луч воли —
Прививку от Злых Холодов.

IX. ВИБРАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

(1) Звоны живых комочков

Птицы в росписи трелей город одели, в звоны
Комочков своих — ожерелий, искрящихся-множащихся гомоны...
О Радости знак во Вселенной! О струны живые природы!
Вы нашей купели брэнной дарите крупинки свободы...

(2) Весы Судьбы

Я люблю тебя, Санкт-Петербург,
Весь пропитанный смутною влагой.
Ты — сейчас этих строк драматург,
Что флиртуют с их ждущей бумагой.

Знаю, ждал ты средь захмелей пург,
Свято веря, скандируя сагой,
Что воздвигнет тебя земной демиург
С неземною, однако, отвагой.

В тебе борются Тьма и Любовь,
Лихорадя Рось замесью этой
И во мне разжигая не вновь
Ветер созвездий поэта.

В тебе Святость и Бездушье живут,
Порождая то Мир, то болезни.
Здесь старушке слепой подают,
Там же гимн параною поют,
Проектируя Черную Пресню,
И кровь скрюченной девочки пьют —
Прямо из горла под песню.

В тебе миллионы заблудших сердец
Дряхлеют вне Храмов Святейших.
Атомный Ад иль Чистый Венец
Примешь средь будней новейших?

(3) Свита лучей

Сегодня в Питере пахнет трава
И Солнце поет, даря лучей свиту,
Полощется «рок» — гитарный напиток...
Три норны смеются (совсем детвора!),
А то все вздыхали (прямо с утра),
Что и работа-то им не мила,
Да и, мол, золото вышло для судьбных ниток...

(4) Санкт-Песенка

Бывает день, как море синь,
В нем Солнце дарит Свет богинь.
И будто бы в Святом краю
Вселенной всей пою.

И град звенит от куполов,
И пропадает перхоть слов
От зова душ-колоколов —
Ветров-садов.

А ночь бывает, как полет:
Стихи в нем Сарасвати ткст,
Лучи свои Нирма́ла шлет
И в Вечный Храм ведет.

Светло лететь строфами в такт,
Гоня слуг Люцифера в ад
И поднимая небосвод
Из белых вод.

Санкт-Петербург в июнь течет,
Жар-птицей звезд и трав поет
И пробуждает вновь и вновь
Мою Любовь.

(5) Городу, танцующему музыкой вод

Город, повенчанный с вечной волной,
Знаю, что голос ты чувствуешь мой,
Светом соборов в веках говоришь,
Их куполами горишь.
Ты в утроходишь симфонией птиц,
Радостью наполнишь тысячи лиц,
Радугой счастья дожди золотишь,
Зеркалом чаек светишь.

Город, танцующий музыкой вод,
В ветры целующий северный свод,
Лучащий барокко растреливских нот
И стрельчатых бликов полет.
Ты — моя нежность и холод губ,
Сердца свеченье в ветрах разлук,
Исакия гимн средь льнов-облаков
И золото шпилей-стихов.

(6) Каменная строфа

Чувствует камень, вонзаясь в выси,
Стрелется, ежась в холодных лучах,
Молит: «Уймите суёты-мысли,
Что тамерланова хуже меча».

(7) Каменный хорал

Камень поет распростертым хоралом
Над струнами улиц среди рвани дней,
Дыша всем градом — России порталом,
Темнеющим средь петербургских дождей.

Камень встроен в холод печали
Неба-тяжелья, в его волглый плен,
Порой заполняясь рокотом стали,
Стыдясь водостоками-некрасью вен
Иль кожей шагреновой крашенных стен.

(8) Солнце кажет глаза

Ведь бывает же так — Солнце кажет глаза
И поет, да еще в Петербурге;
Опустели ветра, водной пыли слеза —
На фонтанах, что длят демиурги —

Те, что создали этот вот май,
Захлестнули день красками радуги
И еще ленинградский трамвай,
Что не любят фарцовщики-лабухи.

Меня Небо качает в сахадже-сини
И Қазанский собор обнимает,
Говоря будто: «Так же и ты обойми
Мир, что в стрóках вот этих играет».

(9) Время сей жизни

Как счастлив, что есть шафраны и маки
И льют свою свежесть тюльпаны и розы...
Что в этой жизни — ножнейшей драке —
Чистое есть? Дети-стрекозы —
Окошечки глаз невинной Вселенной
С песенкой мудрой-полетной-нетленной.

Что принесет им время сей жизни?
Бога блаженство иль лживости гнусь?
А нам? Горечь ли их укоризны
Или прощанья светлую грусть?

(10) Святые рифмы ввысь

Злу вопреки — в тебе свеченье
Эрато* в тайнах-Небесах
И мелоса Эвтерпы** пенье,
Перед которым тело — прах.

Нетленное твое начало
Теснит промозглый мрак в ночи,
И сердце вспыхивает ало:
Святые рифмы ввысь лучит...

(11) Придут Одоакра*** тени

Усажен не цветами — публичными домами.
Мало тебя чистили кровью да штыками?

* Эрато — в древнегреческой мифологии богиня, муза — покровительница лирической поэзии.

** Эвтерпа — там же муза — покровительница музыки.

*** Одоакр — (433—493 гг.) германский правитель Италии с 476 г., сын царя скиров Эдикона; командовал отрядом германских наемников в императорской гвардии. В 476 г. Одоакр возглавил мятеж восточногерманских наемников против императора Ромула Августула, низложение которого означало фактический конец Западной Римской империи. По тексту [4. С. 391].

Неужто может более быть нечисти во чреве?
За душелюдофобию там — жгут на толстом древе.

Вот придут убивники — Одоакра тени —
На колы посадят за самораствление.

(12) Взывание

Молю, о Бог-Создатель, утешь, наставь меня.
Я голос Твой утратил, суетностью шумя.

Прошу, Отец Небесный, приходи опять ко мне,
Святой Любви песней очисти в Своем огне.

Терплю я темни муки, вопль-ужас Сердце рвет.
Молю, воздевши руки: расплавь границу-лед,
Что Духу не дает придать душе полет.

Пошли святое зренье, над прежним вознеси,
За это озаренье спроси, мой Бог, спроси!

X. ПОТОК НИРМАЛЫ НА ЗЕМЛЕ

(1) Круги первого рождения

Снова рожденье пришло,
Мама опять над головой...
Счастье меня ли нашло
Иль маяться прошлой судьбой?

Мама — вольная лань —
Нежностью светит средь тьмы:
«Сынок, на сей раз не стань
Частицею этой чумы!

Себя отдели от нее —
Крылья тебе Бог дает.
Сердце тоскует мое:
Уйдешь ли в святой полет?»

(2) *Маме (Римме Сергеевне Петриковой)*

Просветлевший воздух нежит
Листьев золото в печали,
Солнце-колокол все реже
Пробуждает лета дали.

Дождь шумит все чаще, чаще,
С кружевом ветров играя,—
Это месяц твой, таящий
Детских лет крупницы рая.

По учебникам Вселенной
Ты живешь напевом светлым,
В днях звуча то арфой пленной,
То владивостокским ветром.

(3) *Отцу (Михаилу Ивановичу Петрикову)*

Ты родился, когда еще лето
Не совсем исчезает в закатах,
Когда все еще Солнцем пропето
И Земля одаряет богато.

Правда, лес уже полон печали,
И поет по-осеннему хвоя,
И шумят над березами стаи,
Унося щебет лета с собою.

Ты храним красноярской тайгою
И утешен ее травным лоном,
И сейчас она кружит с тобою,
Исцеляя игольчатым звоном.

(4) *Родителям*

Тепло родительских дум
Поет Солнцем сердца струн
В седой паутинке забот,
В тропинках садовых работ.

Свет родительских глаз —
Отца Всевышнего глас.
Искренний этот магнит
Искринкой во внуках звенит.

(5) *Алеше, сыну*

Вечно в хлопотах, словах, нотных знаках, горшках для посадки.
Уж если витает, то в тех эмпиреях, где видятся смачные кадки
Для всяких-превсяких растений с прицепом для них удобрений.

Готовый читать, рисовать, акварелить,
Всегда подмечающий шутки подвох,
С пеленок настроился страшно не верить,
Что слопает кашу зубатый сапог.

«Чего я не вижу — того не бывает», —
Твердит наш Алешка — в том есть свой резон.
Но как же тарелка по небу летает,
И бродит по Африке розовый слон?

(6) *Волшебная волна*

Вновь приехал в дом родной:
Мама здесь, отец и брат.
Этот край, забытый мной,
Взмыл волшебною волной,
И родился чистый сад,
Где любой друг другу рад.

Разговоры с головой
Окунули в океан...
Пресвятой весной-травой,
Скоростью сверхсветовой
Расточили фиммиам,
И не знаю, где уж сам:

То ли в роще среди богов,
То ль в святилищах земных...
Хорошо от пирогов,
Задушевных слов-лугов,
От улыбок столь родных
И даров простых-земных.

Слушать рад я все сердца
И своим лучиться в такт...
Не уходит ветер с лица
Просветлевшего отца...
Ах, спасибо Господь-маг,
Что растишь из встреч сих сад.

(7) Брату Косте

Светлеет гитары полет —
Это ты вспоминаешь костры:
Как огонь их хвойно поет,
Как чисты они и быстры...

Об этом лишь хочешь петь —
Глаза мчатся в синюю высь,
Хотят только в Небо смотреть,
Бросая наземную мысль.

Сердце твое ждет Весны,
Ее лучей из чудес,
Летит через Яви сны
Ласточкой из-под свеса
К прядям Небесного леса.

(8) Душа строптивая

Упал на сердце луч — от Солнца ток игривый,
Прогнал мильоны туч с души моей строптивой,
И вот она поет вновь с Матерью-Вселенной,
Так любящей дитё, что в сей юдоли брениной.
Да, да, душа земная, но ею Бог играет;
Несет Его Любовь, от всякой Тьмы страдая.
Она еще двойна: и в Вечном льется Небе,
Но как порой полна заботой, что о Хлебе,
В Солнце влюбленном, но не освобожденном...

(9) Ток из крови и крика

Весна на исходе влагой полнится,
Вечность струится сонатой дождей,
И золотистой рагой курится
Голос с надоблачных лучьих полей...

А в Падшее входит кармический Ветер.
Он длится-мутится — то сумрачный Рок;
В ржавеющем свете, распятом рассвете
Из крови и крика созиждется ток:

То хлева мирского слепое движенье,
Иглово-ножово скользящее в Тьму.
Концлагерно-райское это круженье
Бесчисленно часто прошло тесьму
Живого и страждущего исступленья,
В котором зацикленно-тошно всему.

(10) Виталику, сыну (колыбельная)

Серьезный комочек, пусть звездная сказка
Ветром пресветлым твой сон озарит.
Мирный клубочек, сейчас Нирмалы ласка
Солнцем-стозвонцем к тебе залетит.

Увидятся Вечные Вольные страны
С журчащими птицами в дымке морской,
Где не кончаются песенки мамы,
Целящие от неправды мирской.

(11) Стихи — лотосы Вишну*

Поэт — космический философ,
Женьшень и колокол Вселенной
В ней странный странник. Его посох
Путь ищет в край Любви Нетленной.
Поэт — посланец Неба-Духа,
Провидец Храма мирозданья.
Его строка — стрела из лука
Божественного состраданья.

Родятся стихи с утра, и день уж бежит не напрасно,
Счастья дуют ветра: ведь дети-строки — прекрасны.
Они несут ароматы с цветов Небесного Лета,
Потоки солнца и мяты, которыми в высях пропеты.

* Вишну — один из высших богов индуистской мифологии, составляющий вместе с Брахмой и Шивой божественную триаду — тримурти. В ведийских гимнах Вишну занимает сравнительно скромное место, хотя и входит в число основных божеств; в брахманах его значение возрастает, но лишь в эпосе и пуранах Вишну становится первостепенной фигурой. В индийской традиции имя Вишну толкуется как «проникающий во все», «всеобъемлющий». По тексту Г. Д. Серебряного [2. Т. 1. С. 238]. В развитом индуизме Вишну отождествляется с мировой душой, вытесняя Брахму с главенствующей позиции в религиозно-мифологической иерархии. Позднее складывается концепция майи Вишну. Майя понимается при этом как присущая Вишну энергия, материализованная в первозданных водах, из которых возникает мир. Вселенная рассматривается как иллюзорное проявление майи, всепорождающей божественной субстанции. В индуистской иконографии каноническим становится изображение Вишну, возлежащего на змее Шеше посреди космического океана. Из пупа Вишну вырастает лотос, на котором сидит demiург Брахма. Пока Вишну спит, майя бездействует и иллюзия вселенной растворяется в небытии. Когда Вишну просыпается, задумывая новое творение, из его пупа вновь вырастает лотос, и появляется Брахма, творящий мир. Супруга Вишну — богиня Лакшми — рассматривается как персонификация золотого лотоса, вырастающего из космического тела Вишну и отождествляемого со Вселенной. По тексту В. Г. Эрмина [2. Т. 1. С. 540—541].

Стихи, будто лотосы Вишну, творят бесконечность Сердца,
Они изгоняют лишних — тех, кто слышит лишь в герцах.
Стихи во мгновение ока весь мир освещают собою.
Их небо бездонно-высоко смеется над ржавой Судьбою.

Стихи — вдохновенье Бога — так беззащитны: ведь дети,
Они — в Храм Всевышний дорога — туда, где не шелкают плети
И не грохочут клетки железом тоски тюремной,
Творец где за все в ответе и нет удави яремной.

Стихи не пишутся мною — чудесно рождаются Богом,
И даже страшно порою, как Он отдает так много.
От них, как от листьев в парке, пою, ликую, светлею.
Над ними не властны парки*, и не застудить их Борей**.

О строки — стрелы и луки, сказал Бог облечь вас словами,
Вы — его голос и руки, а я же — лишь тот, кто с вами.
Пускаю те стрелы в Бесчестье, воюющее против Духа,
Сражаюсь с Ложью и Лестью Божественным Словом и Слухом.
Летите же стрелы-птицы, Рок побеждая Любовью,
Делайте светлыми лица — и будет конец зимовью.

(12) Колыбельная Насте

Настя умаялась — хочет лишь спать,
Уставшие глазки спешит закрывать,
Все засыпают: книжки, юла,
Тобику тоже игра не мила.

* Парки — в древнеримской мифологии троица богинь судьбы, которые были равнозначны греческим мойрам. Первоначально у римлян была одна парка — богиня рождения. Образы парок воссозданы в живописи Корреджо, Рубенса, Гойи, в гравюрах на дереве Х. Бальдунса, в концертной кантате Брамса. По тексту [4. С. 412].

** Борей — в древнегреческой мифологии бог северного ветра, сын титанидов Астрея (звездного неба) и Эос (утренней зари), брат Зефира (бога западного ветра) и Нота (бога южного ветра). Происхождение Борей указывает на его связь со стихийными силами природы. Часто изображался крылатым, длинноволосым, бородатым, могучим божеством. Место его обиталища — Фракия, где дуют холод и мрак. Признаком древнейшего демонизма Борей является его оборотничество — превращение в жеребца, породившего с кобылицами Эрихтония двенадцать быстрых, как ветер, жеребят. От браков с эринией (одной из множества эриний — богинь мести) и гарпией (одной из гарпий — архаических божеств в виде крылатых диких злобных существ — отвратительных полуженщин-полуптиц) у Борей также лошадиное потомство. По тексту А. А. Тахо-Годи [2. Т. 1. С. 183].

Бабочкой-странницей сон уж летит,
Синичкой-страничкой из книжки чвирчит;
И стрекоза залетает в тот сон,
К ней — королеве — спешат на поклон.

Танцовщицы-мухи — гляди, уж летят:
Прозрачные крылья лишь дружно звенят.
По нотам воздушным так радостно петь
И сверху на замок стрекозий смотреть.

Та ждет-недождется: тортище печет,
Нектар разливает и песни поет.
Милым, веселым, беспечным гостям
Всегда она рада, как добрым вестям.

Жаль, что лишь в сказке все так хороши.
По ним лишь, Настюша, учиться спешить:
Заметить грустинку в руках и позвать,
И все, что имеешь, на стол им подать.

Но... Настя уж с Танечкой-куклою спят —
Маме и папе радость дарят.
Сон в сказках витает, как море глубок.
Тобик (!), не вздумай подать голосок (!).

XI. ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

(1) Саволине Паисиевне Галицкой

Небесным пречистым лучом
Поешь на Земле среди Тьмы
И сим состраданьем-мечом
Крушишь Зло, в котором все мы.

То Солнцем-надеждой звучишь
Средь сует словом живым,
То звездно-полетно молчишь.
Сгоняя Нечисти дым

С Высей, что застланы им,
С душ, занемогших от Сна,
Царственным жестом одним,
Все высветляя до дна.

(2) Светлане Владимировне Калининковой

Огонь стихов, слетая с Высей,
превращается поэтом,
в строчек мед и запах Неба...

Легкокрылою игрой, межпланетною, святой ткешь из Баха Таинств
руны
Пробуждая к жизни струны Вечности в чади мирской...

(3) Архангел Гавриил

(художнику Гавриилу Ивановичу Прибыткову)

Жернова Времен выжимали стон:
Из кровей-костей, сбитых всмять кистей.
Вопреки всему появился он:
Гавриил, что свят, с Богом что сродни,
Всем трудам что брат. Жизнь, его возьми!

Дух-архангел тернии пред тезкой расстелил:
Творчества жизнь-суть с мукой замесил
Во Вселенной всей по ковшам-мирам...
Это все тебе: боль и фимиами, санный с мерзлотой,
Что в расшири звезд и голову хмелит,
И от морозных слез на щеках горит...

Даль звенит ручьем, но вовсе не златым:
Мир так затаен — горек детства дым,
И Стальную Тень гонят прочь стога:
Ее лживый день, жизнь от сапога.

Но кому же рос настоять вино? —
И художник нес, что Судьбой дано
Через будни-дни, чрез загонный стон,
Через скорбь Земли и фашистский Трон,
Через лдяный наст средь побитых глаз
Светлой жизни тон
И несет сейчас, утешая нас...

(4) Валентине Ювентиловне Полюдовой

Ноябрь несет прохладный зов кружащихся смещных крупинок...
Как этот день и чист, и нов: он — глас от Бога в царстве льдинок
Его твой дух в сей мир несет, даруя Вышних Храмов звоны,
Невидимым огнем поет, рождая лишь Любви законы —
Той, что без устали трудясь, сливает Все в блаженство Света
И, что сама Собой лучась, дарит Мир звезд — Ковчег поэта.

(5) Наталье Ивановне Мельниковой

По Небесным плесам-знаменьям
Своих чистых лазурных глубин
Пролетаешь прощальным пенем
Глаз Земных — печальных долин.

Эти гулкие залы Вселенной
Анфиладой немых утрат
В партитуре Судьбы смятенной
Одиночеством, болью звучат.

Все пронзенней их ветры-трели,
Все растеряней веют-звенят...
Нет, не антики это свирели —
Здесь галактики сердца кричат.

Вторят им через мглы больные,
Их нелюбье-незнание поправ.
Те озера лазурно-хмельные
Среди Вечных июльских трав...

(6) Симметриада (Людмиле Викторовне Александровой)

Сплетена из снов астральных
Утонченных листьев-танцев
На осенних тротуарах...
Отзываешься в кифарах
Этолийских ветров-стансов,
Что молчат в веках печальных...

В городских резервуарах,
Полных духа оборванцев,
Нет вестей от Солнц Начальных —
Только тайнопись прощальных
Рифм из листьев-иностранцев
О приснившихся пульсарах...

Валентине Васильевне Козловой

Весенняя, вся в пеньи солнц апреля,
Звенишь проталинами, птицами, собой,
Колоколами, хмелем ветра-эля
И крылоогненной божественной душой.

Объемлешь все в своих движениях-струнах:
Порыв дождей, их благодать, чистоту,
Гармонию небес, проявленную в рунах
Очей, дарящих выси вечность — красоту.

Склоняешься над родом запыленным,
Несешь любви хрусталь — бальзам в него
И всем своим вселенским кодом сложным
Целишь сей мир огнем свеченья своего.

(7) Людмиле Николаевне Уланской

Прошу простить меня
За долгий путь стихов,
Что Вашего огня
Коснутся вдруг легко.
Ведь запыленность дня
Так тяготила Вас,
За все в ответе я
Пред горним светом глаз,
Заполненных Весной,
Не сочиненных мной.

Твой надпланетный взор — солнечный голос с гор,
Что мыслей уносит сор, с Небом даря разговор.

Горный чемальский разлет — Земли в заповедье взлет...
Катуни круженье-полет: он тобою-Вселенной поет:

Одною звенит струной: Вышней Красы страной,
Багульниковой Весной, «Синего плеса» волной.

Солнечный воздух-простор льется потоками с гор...
С неведомых, древних пор звенит этот ливень-хор.

Играет в очах твоих сей лазурнейший стих,
Его фиалковый ритм летит в водокрути рифм
стремленья-пробужденья...

(8) Чемалу (пейзаж-портрет)

Среди звезд печально-строгих,
Отвечая бездн молчанью,
Выхожу на ту дорогу,
Что ведет в суть мирозданья.
Утро запоет светлее —
Его лик заранее вижу,
Будет в мире веселее,
Станут души наши выше...

Этот день забросил в даль-край,
Сотканный из сонмов лазурных лучей —
То Чемал — вешний, солнечный рай,
Поющий восходом Небесных Очей.

Долина, как ты полна
Вечностью, плесом, костром;
Как Солнцем, напоена
Багульниковым теплом.

Но вот сердце вдруг услышало
Мутнеющих вод колобродящий ход
(Что сделал безумный гидронарод,
Стиснувший реку в узкий пролет!):
Оскалились старые скалы,
Устав слушать жизнь напролет,
Как Сцилла-стремнина ревет,
Харибду-подругу* зовет.
Обе во хладе ярятся —
Коварны и призрачно-алы,
Гложа берегов минералы...

Тубами трубят огромные кубы —
Пилоны чертогов чемальских богов.
Они вулканичны, дики и грубы,
Но и чисты, и храм сей красы
Весною полнят: здесь трав их власы
И охрипшая хвоя от вод, снизу жующих воловьих камня...

О Неба Святая Чемальская синь,
Мира врата — предгорь Шамбалы!
Куруется сандал индианских богинь,
Летающих в сей храм Золотой Улалы.
И льются потоки с Тибета
Волнами вечного Света...

* Харибда — в древнегреческой мифологии чудовище в виде страшного водоворота, трижды в день поглощающего и извергающего черные воды узкого пролива, на другом берегу которого обитает чудовище Сцилла, имеющее двенадцать ног и шесть голов с ужасными пастьями. Даже Посейдон не в силах спасти от гибели человека, попавшего между Сциллой и Харибдой, где, однако, все-таки проплыл Одиссей. Ему пришлось вторично спасаться в этом страшном месте от Харибды, когда он потерпел кораблекрушение. Ухватившись за ветки смоковницы, Одиссей висел над бездной, изрыгнувшей мачту его корабля, примостившись на которой, он поплыл дальше. Между Сциллой и Харибдой с помощью Фетиды и ее сестер проплыли аргонавты. По тексту А. А. Тахо-Годи [2. Т. 2. С. 583].

(9) Чемальская магия

Во мне звучат тонны спрессованных слов,
Впечатанных в сердце Вселенной,
И тяжести солнц, и реальности снов,
Рожденных над земелью бренной...

Чемальский синий плес в долине Красоты и Смерти
Под знаком звезд и слез содеян в мироверти.

Природы чистый зов ликует по долине
Среди блаженств лесов и хлады вод в стремнине.

Но боль камней всех, разорванных на крики,
Слышна в смеженьи век прозренья горьком миге...

(10) Людмиле Семеновне Париновой

Глаза твои — цветы Вселенной,
Ее поющие знаменья.
В них Вечности Грааль нетленный
И счастья голуби-мгновенья.

Луга божественного Неба
Глядят через тебя в мир бренный.
В них Орейтия, Гея, Геба*
Ткут танец свой благословенный.

Букет тональностей Орфея**
Несешь в очах, о нем не зная,
То пламеня, то светлея
В лазури неземного края.

* Орейтия — в древнегреческой мифологии дочь афинского царя Эре-
тея, унесенная фракийским богом северного ветра Бореем, ставшая его женой.
Гея — древнегреческая богиня плодотворящей земли, производительница и но-
сительница всех живых существ, праматерь и прабожество, произведшая на
свет Небо ((Uranos), Море (Pontos) и горы. Геба — богиня цветущей юности,
дочь Зевса и Геры, кравчая богов на Олимпе (подносит им на пирах нектар
и амброзию). Стала супругой обожествленного Геракла (сюжет мифа исполь-
зован в опере Глюка). В Греции Гера была предметом культа. По тексту
[4. С. 80. 137. 123].

** Орфей — мифический древнегреческий певец родом из Фракии, сын
музы Каллиопы и речного бога Эагра (или Аполлона). Своим пением и игрой
он зачаровывал даже животных и растения. Он ввел культ Диониса и при-
нял участие в походе аргонавтов. Когда его жена Эвридика по вине Аристея
погибла от укуса змеи, Орфей спустился в подземное царство и, растрогав его
владыку своей музыкой, убедил его отпустить умершую на землю. Орфей, во-
преки запрету, оглянулся на следовавшую за ним Эвридику, и она должна
была уже навсегда вернуться в царство мертвых. По тексту [4. С. 400].

(11) Господу Всевышнему

О Боже Всевышний, Благой!
Чье дыханье разлито во мне —
В том, кто стал чрез Тебя весь другой,
Вновь родившись лишь в ветре-огне!

О сиянье всех солнц и сердец —
Несравненный Вселюбящий Бог!
Голос с Неба Священный помог
Найти радость среди звезд, наконец.

О Владыка, как счастлив искать
Свет Твой в море духовных огней!
Помоги Вечно преданным стать,
Разбуди вознесенность вне дней.

XII. ПЛАТА ЗА ДУШУ

*Этот цикл посвящается
Борису Ивановичу Тищенко*

(1) Рахманинову

(Отклик на Этюд-картину ре минор, ор. 39, № 3, 1917 г.)

Звуки туманного дальнего мира
Бредят на простыне грубого века —
Сердцегубителя, душевампира.
Где их прародина — вышняя Мекка?

Гул сострадально-хрустального пенья
Китежских храмов России Небесной
Вторит фатальному стону-терпенью
Музы титана в камере тесной.

(2) Анне Ахматовой

Пролежни времени — века ненастья,
Вас духом пронзающим вижу так ясно.
В них Анна — свет-ангел — наши несчастья
Все растворяет, но только напрасно:

Карм общий сток рвет тревогой свинцовой
(Солнце померкло в летах посерелых!),
Лишь святых глаз мир изразцовый
Будит надежду в снегах вьюжно-белых.

Стонет набат твоей страждности Вечной,
Стынут позоры в узорах крушенья!
Снова Россия пред болью сердечной.
Анна, уйми призрак битвосмешенья!

(3) Кали-Юга

Опустел звездный круг,
Выцвел, вымер, поблек;
Дух затмнен, совесть — труп
В этот мусорный век.

Солнце — выгодный диск,
Сердце — кровонасос,
Металлический визг
Обрывает песнь сосн...

Как возник сей размен,
Где взимает душой
В гонках богоизмен
Чернохвостый Старшбй?

(4) Зверопланета

Кто ответит, зачем все на этой планете,
Где лишь гибель, распад и низина-греховность?
Трудно встретить того, кто в предвечном полете,
Кто не предал себя — Свет, Любовь и Духовность.

Все нацелено в сторону падкого тлена,
А высокое вечно приводит к низинам,
Блуд стареет и вновь возрождается пленом,
Приближая адептов к адовым трясинам.

Зверофабрика злого, глухого растленья,
Сатаны волчий мир, окровавленный густо,
Лишь ребенок здесь чист в первый день появленья
Да растенье вдали от мазута и дуста.

Пожиранье — молитва на злобопланетах.
Самый святой здесь вынужден мучить живое:
Рыбы — чудо Христа — задыхались в тенетах
И трусливо-апостольско-радостном вое.

Все глумливой пародией реет и хлещет,
Нет конца живодерству и в малом, и в целом:
Череп-украшенья мелодией варварской блещут,
И когтенки тигренка растут — все для дела...

(5) Противостояние

Осатанелость времен...
Бог, зачем я рожден?
Сердце все горячей
В мозг стучит: «Пой звончей!»

Чрез продажную мглу,
Через сытую тьму
Средь потухшей зари
Жги, безумствуй, твори!

Среди дури площадных речений,
Среди жвачек, плевков и ларьков
Прорывается Совесть-Нетленье
И прыдет норной стих из веков.

Среди дутых пуховок и званий,
Средь бесчисленных забав на разруб
Эти ветры вселенских камланий
Выдают себя через боль губ.

Век с продажно-ничтожной ухмылкой,
С сытой радостью чрева взахлеб,
И простреленным криком затылка
В тебе Святость-погибель живет!

(6) В подвале зверопланеты

В плавильне — стонов гул,
И время замерло,—
Сих черных карм разгул
Всем праведным назло.

Страдания мрак кричит
По скользким плазмам тьмы —
Здесь жалость лишь молчит
И все обречены...

(7) Умнейшие-темнейшие

Как живут — жгут каленым железом друг друга,
Кто споткнулся — забьют сапогом,
Чтоб не встал, лишь кровавил бы глухо
Дольше, больше, немея пред злом.

(8) Старцам

Писать — значит быть в чем-то старцем:
Нерадостно в буквах-строках
Ложь всех захлопнула ларцем
В темных бездонных веках.

Нет ничего пресвятого
В слове, улыбке, делах;
Сколько душ света плохого
Родятся, чтоб вновь дать лишь прах.

(9) Уходящий XX век

Земельный век, могильный век,
Бездушный и безглазый.
Искру отринул человек,
Став дьявольской заразой.

Век целлулоидно-слепой,
Бескрыло-помертвелый
И удивительно глухой
К бездонной боли жертвы,
Кровящей в твоём жерле —
Век смертный, мутно-серый.

(10) Дьяволомузы

Кто — греховен, кто — духовен,
Кто — бездарен, кто — Бетховен.

Музы* тонких наслаждений
Всех сгрызут без исключений.
Каллиопа речь «затравит»,
Клио даты в миг подставит,
Мельпомена — стон исторгнет,
Полигимния в восторге
Облегчит прыжками душу,
Талия ее просушит
Смехом среди замерзших деток,
Среди растленных малолеток.
И Эрато пригодится:
Зарифмует шустрой птицей
Все события, не сказав,
Кто виновен, а кто прав.
Терпсихора будет рада
Повихлять прелестным задом —
Все для тех, кто духом спит
Иль случайно не убит.
А Эвтерпа тихой вербой
Струны вытянет из нервов,
Наконец, Урания
Вскроет суть страдания.

* Музы — в древнегреческой мифологии сначала богини — покровительницы искусств (пение, музыка, танцы, поэзия), позднее — покровительницы наук и всей творческой деятельности. Мнемозина родила их от Зевса и Пиэрии у Олимпа. Первоначально чтили трех муз, затем их стало девять. Первые их имена назвал Гесиод. Почести им воздавались в Пиэрии, на Геликоне и в Дельфах, где были источники Иппокрена и Кастальский ключ. Музы помогали поэтам советами, вдохновляли их, и поэтому поэты обращались к ним в зачинах своих произведений. Только в римское время их функции окончательно разграничились: Эрато — покровительница лирической поэзии и эротических стихов; Эвтерпа — музыки (с флейтой сопровождает лирическую песню); Каллиопа — эпической поэзии; Клио — истории; Мельпомена — трагедии; Полигимния — танца, а также сопровождающей музыки; Терпсихора — танца; Талия — комедии; Урания — астрономии. В изобразительном искусстве представлены как групповые, так и индивидуальные изображения муз. Например, «Три музы» — рельеф из сокровищницы Лето в Мантинее; статуя Кановы «Полигимния». Тема муз стала одним из любимых сюжетов живописи (картины А. Мантеньи, Рафаэля, Боттичелли, Тинторетто, Пуссена, Лоррена), значительно реже находила отражение в музыке (например, опера Генделя «Терпсихора»), поэзии (Гёльдерлин «Мнемозина»; П. Клодель) и других искусствах. По тексту [4. С. 364—365]. Олимпийские музы восходят к архаическим музам — хтоническим существам. По сообщению Павсания, первыми, кто почтил муз и принес им жертвы на Геликоне, были не поэты, не певцы, а страшные великаны — алоады. Они ввели культ муз, считая, что их только три: Мелета («опытность»), Мнема («память») и Айода («песня»). Архаические музы назывались «бурные», «ненстовые», как об этом сообщает Геосихий. Муз именовали кормилицами Диониса и спутницами его странствий, подобно менадам. По тексту А. Ф. Лосева [2. Т. 2. С. 178].

И под мрачным небосводом
Объяснений, черным ходом
Будет клясться черным годом
Пред удушенным народом.

(11) России Небесной

Живет Святы́й Дух России Небесной,
Неся состраданье волнами-ветрами;
Музыкой Вечности — песней неспешной —
Звонит она зорями и кострами.

Страна, взошедшая на Голгофу,
Кричащая Совестью боли пречистой,
Огнем-алконостом* зываешь к Энрофу**,
Зовя к Алтарю улыбкой лучистой.

Сердечную боль заживляешь Любовью
И нежностью черствость из уст изгоняешь,
Целишь вместе с Землею-солью,
Ангелом Веры и Правды сияешь.

(12) России Святейшей

Твоих трав ветровое волненье,
Ликованье озер нежнооких
И лучей златокрылых пенье
От свеченья Сердец Высоких
Во Вселенной кружатся вечно
Откровенностью бесконечной
В тон полета Небес глубоких...

* Алконост — в русских и византийских средневековых легендах райская птица (часто упоминается с другой райской птицей — сирином). Образ алконоста восходит к греческому мифу об Алкионе, превращенной богами в зимородка. Алконост несет яйца на берегу моря и, погружая их в глубину моря, делает его спокойным на шесть дней. Пение Алконоста воистину прекрасно. По тексту С. А. Токарева [2. Т. 1. С. 60].

** Энроф — по Даниилу Андрееву (см. «Розу Мира»), «имя нашего физического слоя — понятие, равнозначное понятию современной астрономической вселенной; характеризуется наличием в нем пространства трех измерений и времени одного измерения» [6. С. 274].

XIII. ПРОБУЖДЕНИЕ

Этот цикл посвящается поэту
Дмитрию Ивановичу Шарабарину

(1) Поэту планеты Земля

Устал твой дух от мертвенности тленной,
От стога зим и душ людских.
Среди планеты спящей брэнной
Поешь ты во слезах плотских.

Христом в земное тяготенье
Ты входишь вновь, Любовь творя,
И всеземное волчье пенье
Все высветляешь, Дух будя.

Здесь в воплях тьмы проходит время,
Хлыстом по сердцу день нас бьет,
И серое земное племя
К могиле ближнего ведет.

Никто почти не понимает,
Что среди ада он живет.
Святой души душа не знает,
Чуждеет мир, жиреет лед.

(2) Шок, волочащийся по камням

Кто мы? Звери? Нет — похуже:
Адский плод из-под земли.
Визгом брызжет кровь на стуже
Тех, кого любить могли.

Эти мягкие зверюшки
Греют нас, еще крича,
От ударов по макушке,
По камням шок волоча.

Били их, держа за ноги,
Под просящий вопль и сип
Посреди людской дороги,
Механично пьющей хрип
Бесполезно умоляющий.

(3) Лямки смертей

Смрадно кругом, мир кошмаром залит,
Лыбится череп: о пытках гулит,
Сладкий крадется страх на беду,
Хлюпают двери железно в аду.

Двигутся, тянутся лямки смертей,
Распята улыбчивость Вешних Ветвей.
Из крика лохмотьев их, из струпов Зла
Средь мертвых зим кровь слезами взошла.

(4) Закованные в чади брэнной

Земля — захлопнутый контейнер
Среди утеранных миров.
Она — для душ протухших сейнер,
Для тел распутных жалкий кров.

Никто не ждет нас во Вселенной
(Избави Боже от чумы),
Закованные в чади брэнной
Пожизненные зеки мы.

Закрытые от царств нетленья
Глухой частотной стеной
В картине мира вместо пенья
Мы слышим свой лишь зверский вой.

И вместо откровенья-знанья
Мутит мозги бессильный бред —
Безжизненных наук камланье,
Гасящее Небесный Свет.

Когда поэт в безумной жизни
Нам приоткроет в Вечность дверь,
Тогда всё в вое-плаче-тризне
Сбежит с тебя, планета-зверь!

(5) Венок из стихов сострадалных

Гуляй, поэтово сердце,
Мчись по дорогам русским,
Кочуй — то к адовым дверцам,
То к тропочкам счастья узким.

Пылайте, поэтовы песни,
В нещадном мраке несчастья,
Вонзайтесь из поднебесья
В людские земные ненастья.

Сплетайте, поэтовы руки,
Венок из стихов сострадалных,
Венчайте на Совесть муке
Зверолюдей нечаяных.

Сметайте, поэтовы губы,
Пустоши праздного тленья.
Строфы, вы будете трупы,
Не дав всем самопрозренья.

(6) На клавишах Вселенной

Я вновь с тобой, мой друг, мой белый лист.
Сейчас вберешь в себя разлет галактик мерный.
Ты — звезд оркестр, я — твой неземной солист —
Соратник по игре: на клавишах Вселенной.

Вновь ощущаю бездн разрыв, их черный стон:
То время рассекается ветрами...
И слышу гептахорд планет, их высший тон:
Вечность Любви над горними мирами.

(7) Ахмаджияна*

О Бог, о Свет — Любви Вселенской Святость
И средоточье Знаний Всех!
Я — Твой сонет, Твоя же Непредвзятость,
Твоя же крепь среди земных прорех.

О Вечный дар, что наполняет миром
И созидает речь Небес,
Немой нектар, дышащий миррой
И Чистотой чудес.

Тебя, о Бог, я сердцем обнимаю
Огнем вхожу в Твои лучи.
Как рад, что смог (я это знаю)
Стать бхактой** в сей земной ночи.

* Ахмаджияна — знание Бога-Отца.

** Бхакта — преданный Всевышнему.

(8) Круг химер разрывается...

Полков несгибаемых горны
О Вечности Вышней трубят:
То в храмы Валгаллы горней*
Боги с бойцами летят.

Всех пожирает пламя,
Но честь в нем святейшим мужьям
Встать под Нирмалы знамя,
Что Дургой поет по полям**.

Ликуйте, заоблачья рати
Новых — божественных — душ:
Вас ждет Небесная Матерь
И Кришна — доблестный муж***.

* Валгалла (вальхалла) — (др.-исл.: «чертог убитых»), в скандинавской мифологии находящееся на Небе, принадлежащее Одину (верховному богу) жилище эйнхериев — павших в бою храбрых воинов, которые там пируют. Вместо огня Валгалла освещалась блестящими мечами. Валгалла противоположна подземному царству мертвых (хелю). В «Речах Гримнира» («Старшая Эдда») Валгалла соотносена с Глядсхеймом («жилищем радости»). В «Младшей Эдде» такое жилище, где живут Один и «все люди достойные и праведные» называется Гимле («защита от огня»). По тексту Е. М. Мелетинского [2, Т. 1. С. 212].

** Шри Дурга — в индуистской мифологии имя супруги Шивы в одной из ее грозных ипостасей. Супруга Шивы — Девы, или Богиня-Мать — выступает то в милостивом (Парвати, Ума, Гаури, Джаганмата), то в ужасном обликах, олицетворяющих созидательные и разрушительные силы Вселенной. Став одним из воплощений Девы, или Парвати, Шри Дурга в теологии шактизма рассматривалась как шакти Шри Шивы, т. е. как манифестация его творческой энергии. В мифах Шри Дурга выступает богиней-воительницей, защитницей богов и мирового порядка, когда им грозит опасность от демонов. Один из ее подвигов — уничтожение демона-буйвола Махиши, прогнавшего богов с неба на землю. Среди подвигов Шри Дурги, совершаемых ей в разных формах (Кали, Чамунда, Тара, Нанда и др.) — убийство асур Шумбхи и Нишумбхи, Чанди и мунды и др. По тексту П. А. Гринцера [2, Т. 1. С. 360. 411—412].

*** Шри Кришна — в соответствии с текстом журнала «Нирмала» [7, С. 25—26] «божественный принцип вишудди — чакры» ... «Шри Кришна является восьмой инкарнацией Шри Вишну. Последний раз он жил в Индии приблизительно 6000 лет назад. Он приходил на Землю, чтобы показать абсолютные качества Бога-Отца, проявляющиеся в Его Божественном творении. Несмотря на то, что Шри Кришна был принцем, он родился в неволе у Деваки и Васудевы, плененных Камсой — братом принцессы Деваки, который был тираном. Один прорицатель предсказал гибель Камсы от рук сына Деваки. Чтобы избежать расправы тирана, маленький Кришна был тайно увезен в Нандагокул — деревню владельцев волов, где он и провел свое детство. Позже он убил Камсу и вернулся королевство Уграсене отцу Деваки. Шри Кришна был дядей знаменитых героев Пандавов. Он принимал активное участие в борьбе за господство между принцами Пандавами и их двоюродными братьями Кауравами, призывая к разуму и миру. Из-за высокомерия Кауравов его усилия были безуспешными. В войне, которая последовала, Шри Кришна стал на стороне Пандавов. Он был возничим колесницы Арджуны — одного из великих героев Пандавов. Это ему Шри Кришна поведал священное писание, сейчас хорошо известное как «Бхагавад Гита».

Тем, кто средь дьявольской смради
Не дрогнул в божьем бою,
На Картикеи* параде
Гимн надзвездный пою.

(9) Сумасшедший дом желаний

Прах земного измерения —
Теснь и боль оков для духа.
Что в тисках душегубоенья,
Рвется и стонет глухо,

Сотрясая мир Вселенной
И зовя к освобожденью
От телесной брони брэнной,
К звездам, их восторгу-пенью.

Все земные наслажденья —
Темный паводок печали,
Зябкий тлен, хитросплетенье
Ощущений в зёмной зале.

Все абсурдно в нашем мире,
Кроме Света состраданий,
На безумном чумном пире
Рук, губ, тел, пустых названий.

Сумасшедший дом желаний —
Так зовется юдоль наша —
Клубь вестей, сластей, незнаний —
Электронных игр каша.

Неутешенным ребенком
Каждый свои губки кривит
И беспомощным котенком
Смерть никак не пересилит.

(10) Россия — глаза во Вселенной

В лазури России Небесной
Поет светлых душ Вечный Сад,
Весною-волною нездешней,
Ликуя на все голоса.

* Шри Картикея — аспект (воина) Шри Ганеши — Божественного ребенка — сына Шри Шивы и Шри Парвати.

Страну всю в Любви солнценосной
Крепит чудодейственный свод.
Искрится он в россыпи росной,
Летит в плавной пролити вод.

Россия — пшеничное поле,
Прожилки упругих рек,
Святая Небесная Воля,
Вошедшая в сердце навек.

Влюбленных лесов щебетанье
И косы проталин-ручьев
В рожденьи иль в смерти-прощаньи
Утешишь дыханье мое.

Россия — глаза во Вселенной,
Звучащие мной и тобой —
Мелодией птиц песнопенной,
Сосновой высокой струной.

Шумишь все ветвями-ветрами,
Даришь свой сердечный прибой,
Поешь снежной нежностью с нами,
От бед укрывая собой.

(11) Божество, коснись моих плеч...

Божество, низойди ко мне,
Дай состраданья огня;
Без него все в бескрылой тьме,
Прийди светочем, дьявь гоня.

Ты во всякой гармонии есть,
Правдой вечной Твой полнится Дух.
Проявлений Его не счесть:
Он Свет-Голос, Глаза и Слух.

О прошу, озари меня —
Перелью Твою благодать в мир,
Через рифмы Нирмалы-Огня
Расскажу как без Неба мир сир.

Как Тобою Святое поет,
Алконостом к зовущим летит
И к России Небесной ведет —
Помоги на этом пути.

Возожгу сонмы душ — вечных свеч,
Передав им Свет Жизни Твоей,
Божество, коснись моих плеч,
Будь Высокой Стезюю моей!

(12) В Небеса

Когда вновь лист беру, стихи текут от Бога,
И часто поутру мне видится дорога
В светлейшую Страну.

Как радостно здесь жить, как все необычайно:
Свисает с Неба нить и дарит рая тайну,
И всех зовет Любить.

Живут стихи Весной и звездами, и ветром,
И вольною волной, и солнцекрылым Светом.
Они полны тобой, читатель дорогой.

Ты мне их сообщаем желанием своим,
Любовью Вечной таешь и, жаждою палим,
Строкою стать мечтаешь.

Тех строк снопы вяжу все той — зазвездной нитью,
Водой в тебя гляжу: ее простертой литью
Душе твоей служу.

Мы строим храм один: Пречистый и Пресветлый;
С тобою мир храним в сердцах — Вселенских Вѣтрах;
Одной звездой горим.

Читатель верный мой! Знай, нет у нас раздела,
Идем тропой одной, одно творя лишь дело
Энергией Святой:

Полета в Небеса, свеченья в Высях Бога.
Верь — наши голоса и чистые глаза
Сон тьмы рассеять смогут.

XIV. НЕБЕСНОЕ, ЗЕМНОЕ И ПОДЗЕМНОЕ

(1) Вьюжные наряды

Снега поют с ветрами в метели кружевной...
С природными богами дух дружит чудно мой.
Мне это неизвестно, но чую: счастье в тон,
Когда так сердцу тесно, звучит качанье крон.
Во вьюжные наряды оделся нынче бор,
Незримые парады идут под хвойный хор.

(2) Огнь ветров

О, как хочу сказать про огнь ветров,
Свивающих венки из лучших душ,
В озерах Неба, чтоб любой познал Любовь
Божественных миров,
Разящих бессердечья глушь.

(3) Нить судеб

Воды прозренья в Вечность текут,
Норны* за пеньем судеб нить прядут...
Их звездную грусть ничем не унять:
Столько изломанных судеб познать...

(4) Карая песнь под каштановый аккомпанемент

Витийство и роскошь волос —
Это дары святые.
Не заплетаешь кос —
Прядешь контрапункты иные:
То звездные, то земные.

Упругий каштановый цвет
Играет на ко́рах-вселенных,
Тебе 19 лет,
Что все из тех влас нетленных —
Ветров от Бога священных.

* Норны — в скандинавской мифологии низшие женские божества, определяющие судьбу людей при рождении (по более ранним мифологическим представлениям, вероятно, и помогающие при родах). Отчасти родственны валькириям (которые, в отличие от норн, участвуют только в определении судьбы воинов в битвах) и составляют вместе с ними категорию низших женских божеств — дис. В «Прорицании Вэльвы» и в «Младшей Эдде» названы три норны: Урд («судьба»), Верданди («становление») и Скульд («долг»), живущие у источника Урд в корнях мирового древа Иггдрасиль (являющегося и древом судьбы), которое они (по «Младшей Эдде») ежедневно опрыскивают влагой из источника (можно предположить, учитывая сибирские параллели, образ норн вообразил в себя представления о «хозяйках» мирового древа и орошающих его источников). Норны определяют судьбы людей, вырезывая руны. В «Первой песни о Хельги...» («Старшая Эдда») норны при рождении героя прядут нить его судьбы, предсказывая славное будущее. По своей основной функции аналогичны мойрам (паркам) из античной мифологии. По тексту Е. М. Мелетинского [2. Т. 2. С. 226].

И карие очи в тон
Поют Всемогущей Весною,
Их индианский звон,
Рожденный Нирмалой-волною,
Гангой кружит надо мною.

(5) Зимняя Золушка-знобь

Белый пушистый ковер лег чистой песнею въюг.
Неба воздвигнут шатер сонмами ветров-слуг.
Зимняя золушка-знобь мчится метелью на бал,
Слышится скрипящая дробь: то сосны ведут карнавал
В древесном весельи своем в Заречье, захвоенном всем.
На каждой — маска-обвал из снежного пуха-серебра...
Каждой бог-ветер дал Радость в ветвах-веерах...
Вот Presto тот взвил дирижер — выше тональность взял хор.
Ох, как бы весь этот шквал не догудел до света
И в захмели б не «посчитал» ребрышки веток. Пурга все мела...

(6) Под дьявольский туш

Распинают лишь те, кто по горло в крови
И хотел бы ее по макушку.
Эй, с гвоздями в руках, ад по вам голосит,
Черт уж катит сигнальную пушку.

Фейерверк казней-дел весь пройдет на одре
Вне компьютеров-тел — в самосудящей тьме.
Шквалы кармы снесут мертвечину сих душ
В центр земного ядра под скрежещийся туш,
Сочиненный из ваших же глумных тонов
Туповато-солидных и садистски-постыдных.

Были все заодно, вместе пили вино,
Жали руки петлистые липко,
А теперь все к себе ж обернулись — во тьму
И сипите от собственных пыток,
Не теряя из виду попыток
Сотрапезника вместо себя поместить на адово кресло.
И он так же к вам — это же тесто.

(7) Мозги — компьютеры

Кривдоправы душ, лекари всех каст,
Сей сейчас о том маленький рассказ,
Как адской магмы пунш поджидает вас,
Что бри среди зги садистам предстоят.
Там ваши же мозги у котлов стоят.
Их компьютера бесчувственно глядят
На корчи средь веков нелюдей-дураков.

(8) Яды неправедных слов

По Вечности ветер сквозит, меня растворяя в ночи,
По Нежности ангел скользит и болью моею молчит.
Она оседает в вещах, жжет яды неправедных слов,
Грядущим огнем трепеща — дыханием-гневом богов.

(9) Падение империи Вечной смерти

На коня степного... Посвист-вихрь полета...
Дурги ветры снова хмелят словно хота*.
Против глаз остывших и сердец усохших
Всех отживших, бывших, духом позаглохших
Карткея мчится: в тех, кто грязны, стылы.
Жмут им маски-лица... Огнище уж с тыла
Солнышком поется (видно то избранным),
Жалостно смеется над матерно-бранным,
Похотно-поганым, что уйдет в дни смерча
Вместе с ураганом, вместе с Вечной Смертью.

(10) Римский-Корсаков и Шнитке

Симфонический оркестр — Вечность средь кишаших дней,
Божий солнечный инвестор в Бытии Горелых Пней.
Среди мыслей всетелесных и жеванья напролет
Ты даришь огонь чудесных, трепетных, воздушных нот.

* Хота — испанский парный танец, энергичный по характеру, в подвижном темпе и трехдольном метре. Восходит к XVII веку. Исполняется в сопровождении инструментального ансамбля «рондали» (гитары, бандуррия, ударные), танцующие аккомпанируют себе на кастаньетах. Как правило, исполнение танца сопровождается пеннем; при этом возникают составные музыкальные структуры, включающие инструментальный (интродукция) и вокальный (колла) разделы. Наряду с песенно-танцевальными композициями широко распространены и хоты-песни. Родина хоты — Арагон. По тексту [З. С. 605].

Римский-Корсаков и Шнитке в двух полярностях звучат:
В моря сумрачной улыбке, в пеньи вольного меча —
И в утрате жизни внешней, переходе в Дух-Хрусталь:
В край надмозговой, нездешний, где царит Святая Даль.

Скрипки льдом хорала тают, Вечный Свет даруя нам,
Ну а души не внимают — майей маются по снам.
В них все скомкано, разбито, но давно уже нет Зла,
И прощение разлито там, где только брань была.

Растворились тьмы обломки, мглы безжалостных токкат,
Новых звуков Выси Тонки созидают Вечный сад,
Где царевич и царевна в южной ритмике ресниц
В небеса летят напевно под журчанье струнных птиц.

(11) Вогнуто-выгнутое интермеццо

В вогнутых пространствах дни идут волчками,
Двигутся планеты желаньями-скачками.
В выгнутых пространствах миражи иные:
Скачут дни больные в формулах-жеманствах.

Ну а боги крутят вальсы на орбитах,
Махая шутит на научных битвах,
И «провидцев» мутит, без искры отлитых.

(12) Божественный сад Вашего Духа

Тишина. Только Радости руны проникают в земной наш слух:
Это Высший приходит Разум в наш несуетный вечный Дух.
Он рассыпает цветы неземной красоты
В жемчужных лучах Чистоты.

Я пою тем, кто сбит в вираже и сложил Крылья Счастья уже:
«Затмения-Незнанья ад внес в Вас и боль, и распад,
Но ему вопреки, назло отыщите Божественный сад
И соизждется Радость в душе».

XV. ПУТЬ К ИСТИНЕ

(1) Голоса фиалок (Доменико Скарлатти)

Вся Земля умыта ветром-трелью,
Облака от Света Весен тают,
За вселенской солнцетканной дверью

Голоса фиалок расцветают —
То скарлаттиевские украшенья
Дрожью росных лепестков благоухают...

(2) Поток лазури-вязи

Клавирный огонь божественного Доменико
Сверну в строфу-метафору — смотри-ка:
То неземной кристалл, несущий ветр-свеченье —
Легчайших шелестящих токов истечение,
Что дарит посвященным тайну Высших Вечных Связей
Через лазурно-солнечные звуки-вязи,
Несет Энергию, Невинность, Юность,
С которыми и миг есть счастья мир и златострунность.

(3) Любовь-музыка

Нет, не приемлю красоты стиха, когда в нем ветр Любви
заглушен
Так Божий Свет есть музыка в веках, а Парфенон давно разрушен

(4) Звездный гимн Нирмалы

Есть одна истина — Любовь —
Ко всем, всему без времени и меры.
Цена ей — Иисуса кровь,
Смысл — Радость Жертвенности-Веры,
Ведущая в Святые Сферы.

Скажи, о Мать-Любовь, неужто наступил
День Радости людской, и спали все оковы с духа,
И многие свободны от убогих карм-стропил —
Те, кто пути в себе открыл
Для обретения Божественного Слуха?

Скажи, Шри Ади Шакти-Мать, неужто Чистый Свет в земную эту
юдоль так глубоко живительно проник
Что Радость Мира и вовне, и изнутри уже для Светлых на пороге?
Неужто окрыленья Звездный гимн среди туманностей возник
И ныне лотосом священным расцветает, в сердца неся вибраций
музыку о Боге!

Как огонь Любви с Небес бежит волной,
Нам открывая Чудо Единенья,
Нисходит Бог-Отец через Тебя Всепресвятой,
Даруя Вечность через Радость Всепрошенья.

Распахнутое настезь сердце чувствует сейчас
Потоки Нирмалы на сей планете грешной —
Так Садашива-Бог охватывает нас
Блаженством Чистоты Нездешней.

И эти строки тоже льются от Него и от Нее,
Нас радуя своим прикосновеньем,
Несет Шри Матаджи всем сострадание Свое,
Всему живому шлет благословенье

И помогает вознестись к Высотам бытия,
Познать восторг Отца безмерный
Среди событий майи-вития
Всей этой жизни театрально-серной.

Целует Луч Святой прохладой летнего дождя,
Соединяясь с нашей немотой и каждой клеткой...
Разорваны все лики устрашителя-вождя —
Лишь утешенье Матери благоухает в Вечности сандаловою веткой.

Спиральи кундалини золотые ветром вверх бегут,
Стремясь по всей Вселенной радугой разлиться,
Полня ее жемчужно там и тут...
О как Отец улыбкою лучится!

Поет очами Нирмалы, поет
И дарит через Дэви Нараяни высшие Земле свеченья.
Через Нее же в паталу* Тьму шлет,
Рождая Весен хвойно-талый изумрудный ветер обновленья.

* П а т а л а — в индунстской мифологии общее название семи подземных областей, в которых живут дайтьи, данавы и другие божества, противостоящие богам, обитающим на небе. Дайтьи — класс демонов — асуров, дети Дити и Кашьяпы. Дайтьи — гиганты. Они с переменным успехом борются с богами, сыновьями Адитьи. Тесно связаны с данавами, иногда от них не отличимыми. Дана́вы — класс демонов-асуров, дети Дану и Кашьяпы. Они — тоже гиганты. Уже «Ригведа» упоминает семерых данавов. К данавам относят Вритру, иногда — Намучи. Дана́вы связаны с водой. В битве с Индрой (богом грома и молнии, богом битвы) они были побеждены и рассеяны. Дана́вы имеют многочисленные типологические параллели (мотив семи потоков). Этот мотив отражен также в названиях мифологизированных рек и во второй части имени Посейдона. В осетинской мифологии имеется корневая связь через образ владыки вод и водного царства Донбеттыра. По тексту В. Н. Топорова [2. Т. 2. С. 293, 2. Т. 1. С. 348, 349].